

**ТОРЖЕСТВА ПРИ БЕРЛИНСКОМ ДВОРЕ
В ДОНЕСЕНИЯХ СЕКРЕТАРЯ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА
ФИЛИППА ПЛАНТАМУРА***

Мариуш Савицкий

Опольский университет,
Ополе, Польша

**CELEBRATIONS AT THE BERLIN COURT AS REPORTED
BY SECRETARY OF THE ENGLISH AMBASSADOR
PHILIP PLANTAMOUR**

Mariusz Savicki

University of Opole,
Opole, Poland

Celebrations were an important element in the functioning of royal and princely courts in Europe in the seventeenth and eighteenth centuries. They added splendor to the residences in which they were held and demonstrated the status of rulers: well-directed festivities spoke of their organisers' political status. Such events not only took place in the closed courtyards of palaces, but also in the open air, which guaranteed a larger audience and made it possible to invite the media. Such events were also observed by foreign diplomats, who described them in their reports. This type of information can be found in the correspondence of Philip Plantamour, secretary of the English Ambassador George Stepney. An analysis of the manuscripts he left reveals an interesting picture of the ceremony as seen through his eyes. These descriptions do not have a specific pattern: he simply described what he saw

* Статья подготовлена при поддержке гранта Национального научного центра в Кракове № DEC 2017/01/X/HS3/00482 в рамках реализации индивидуального научного исследования по теме «Социально-политические элиты Великого княжества Литовского в свете донесений французских и английских дипломатов второй половины XVII века».

This article was prepared with the support of the grant of the National Science Center in Krakow No. DEC 2017/01/X/HS3/00482 as part of individual scholarly research on the topic: "Sociopolitical Elites of the Grand Duchy of Lithuania in the Light of Reports from French and English Diplomats of the Second Half of the 17th Century".

** Citation: Savicki, M. (2020). Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary of the English Ambassador Philip Plantamour. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523.

Цитирование: Savicki M. Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary of the English Ambassador Philip Plantamour // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523 / Савицкий М. Торжества при берлинском дворе в донесениях секретаря английского посла Филиппа Плантамур // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523.

or had the opportunity to hear. The analysed accounts are an important source for research on the customs, ceremonies, and celebrations at the royal court in Berlin at the turn of the eighteenth century. Philip Plantamour's exact descriptions show us the glamour, style, and role of these events in the context of propaganda and their political and social dimensions.

Keywords: Berlin; Prussia; Frederick I; Philip Plantamour; George Stepney; ceremonies; celebrations; royal court.

Празднования были важным элементом, связанным с функционированием королевско-княжеских дворов в Европе XVII–XVIII вв. Они показывали величие резиденций, в которых проводились, демонстрируя величие правителей, а хорошо организованные рауты свидетельствовали о политической значимости господ. Такие мероприятия проходили не только в дворцовых палатах, но и на открытом воздухе, что гарантировало большую аудиторию и возможность приглашения «прессы». За этими событиями наблюдали также иностранные дипломаты, описывавшие их в своих отчетах. Такого рода информацию можно найти в корреспонденции Филиппа Плантамур-ра, секретаря английского посла при Берлинском дворе Джорджа Степни. В своих записях Плантамур приводит описания церемоний, свидетелем или участником которых он был лично, хотя некоторые, судя по косвенным данным, передавал по рассказам других очевидцев. В любом случае его информация отличается подробностью и индивидуальной манерой подачи. Содержание указанной корреспонденции является важным источником для исследований в области традиций, церемоний и обрядов королевского двора в Берлине на рубеже XVII и XVIII вв., а точные описания Филиппа Плантамур-ра позволяют не только ощутить величие придворного церемониала, но и понять его роль и значение в контексте пропагандистской и политико-социальной составляющих.

Ключевые слова: Берлин; Королевство Пруссия; Фридрих I; Филипп Плантамур; Джордж Степни; церемонии; торжества; королевский двор.

Торжества были очень важным элементом функционирования королевских и княжеских дворов Европы Нового времени. Хорошо отрежиссированные, они придавали блеск резиденциям, в которых происходили, поднимали престиж властителей и имели политический смысл, демонстрируя величие и достаток монархов. Известно, что такого рода события происходили не только в закрытых пространствах дворцов, но и на открытой местности, что гарантировало расширение аудитории и давало возможность разнообразить средства воздействия на нее. В частности, среди прочих средств такого рода следует выделить организуемые по разным поводам торжественные выезды. Последние разворачивались на глазах не только местного населения, но и предназначались взорам зарубежных дипломатических представителей, которые описывали их в своих донесениях. Этого типа информацию можно найти во франкоязычной дипломатиче-

ской корреспонденции Филиппа Плантамур, француза, личного секретаря английского посла Джорджа Степни.

Филипп Плантамур родился около 1664 г. в Шалон-сюр-Сон (Chalon-sur-Saône) во Франции, в регионе Бургундия – Франш-Конте в гугенотской семье. Отмена Нантского эдикта Людовиком XIV вынудила его покинуть родину. Плантамур начал службу у принадлежавшего к старой школе английской дипломатии Джорджа Степни, исполняя в 1690–1699 гг. роль его секретаря. После получения последним должности посла в Берлине он уехал вместе с ним и по-прежнему исполнял те же обязанности, не имея никакого официального дипломатического ранга. Документы, анализируемые в контексте настоящего исследования, находятся в собрании *State Papers Foreign, Prussia* Национального архива Лондона в Кью¹. Некоторые донесения Плантамур, в которых он описывал торжества при берлинском дворе, можно найти в Британской библиотеке [Add MS 22193; Add MS 28902]. Учитывая ограниченные возможности статьи, проанализирую лишь три рапорта, в которых содержатся описания придворных церемоний.

В письме 1697 г. Плантамур констатировал, что с честью и большой преданностью исполнял функцию секретаря Степни уже на протяжении пяти лет [BL. Add MS 28899. К. 112–112v; Spens, p. 41; Sharp, p. 275; Journals of the House of Commons, vol. 13, p. 417; Cook, Stevenson, p. 148; Kugeler, p. 157]. Джордж Степни с признанием отзывался о работе своего секретаря, которого считал хорошим сотрудником, трудолюбивым человеком, необычайно тщательно исполняющим свой долг [Sharp, p. 275]. Среди обязанностей последнего было копирование разнообразных присылавшихся в посольство документов или общедоступных исходящих от берлинского двора материалов, например, печатных бюллетеней и летучих листков. Английский посол, видимо, питал большое доверие к своему сотруднику, поскольку с 1699 г. поручал ему редактирование и отправку собственноручно подписанной корреспонденции².

Вроде бы высказывая удовлетворенность работодателем и нынешним местом службы, в начале 1703 г. Филипп Плантамур, тем не менее, выражал озабоченность своей судьбой в необычайно личном и полном эмоций письме, адресованном Чарльзу Хеджесу³. Плантамур писал, что, несмотря на многолетнюю верную службу английской короне, теперь в связи с приездом в Берлин нового посла Томаса Уэнтворта, третьего барона Рэби, сомневался в сохранении своего поста. Дело в том, что Джордж Степни был направлен с посольством в Вену (а в январе 1703 г. уже там находился) и от услуг Плантамур отказался [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 339–340].

¹ The National Archives in London (Kew), State Papers Foreign, Prussia 90/1 (далее – NA London, SP Prussia 90/1).

² Письма, написанные несомненно Филиппом Плантамуром и подписанные Степни, находятся в: [Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01].

³ Сэр Чарльз Хеджес (Charles Hedges), английский адвокат, политик-тори, судья Высокого суда Адмиралтейства (1689–1714), государственный секретарь (1700–1706, с перерывом).

Плантамур упомянул в своем письме о дипломатических миссиях в германских землях, в частности, о поездке в составе политических миссий во Франкфурт-на-Майне, Вессель и Кассель. Он писал также, что на протяжении трех лет не получал никаких дополнительных выгод за свою деятельность, которая, как он упомянул, была его страстью. Секретарь замечал, что его незначительное содержание не компенсирует понесенных на дипломатическом поприще расходов, а также что на протяжении двух лет он не получал никаких дополнительных средств на поручаемые ему поездки по Пруссии. Плантамур упомянул о причинах своего отъезда из Франции, которыми стали религиозные соображения. Он вынужден был бросить свое имение и взять, как он сам это оценивал, деньги в долг под очень высокий процент, что привело его к финансовой пропасти. Полученных средств, однако, было недостаточно для покрытия расходов после того, как он покинул королевство Людовика XIV. Прося прощения у Хеджеса за предоставление столь личной информации о своих жизненных обстоятельствах, Плантамур выражал желание, чтобы последний знал о его положении и материальной ситуации. Секретарь Джорджа Степни выражал также надежду, что этими откровениями не отобьет желания у адресата поддерживать его и дарить своим покровительством. В очередной раз сообщая о своей преданности работе, которую он выполнял с огромным увлечением, и о полной приверженности английским интересам, Плантамур заверял, что по-прежнему хотел бы служить королеве Анне [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 339–340].

Несмотря на эти заверения, Филипп Плантамур получил от Чарльза Хеджеса решительный приказ покинуть берлинский двор до 17 апреля 1703 г., хотя его дальнейшая судьба еще не была решена. Вопреки ясному ответу, в письме Джон Эллису⁴ от 17 апреля 1703 г. Плантамур снова делился сомнениями, следует ли ему вернуться в Англию или оставаться в Берлине до прибытия нового посла. Поднимал он вновь и финансовые вопросы, выражая надежду, что все задолженности перед ним будут урегулированы, и он сможет расплатиться с собственными долгами. Похоже, что Хеджес не обнадежил Плантамура и в этом отношении [BL. Add MS 28913. P. 340–341].

В следующей части послания к Джон Эллису бывший секретарь Степни писал, что упомянул об этом Хеджесу, надеясь, что тот не оставит его просьбы без ответа так, как якобы было принято поступать с другими. Плантамур просил также, основываясь, вероятно, на прежней дружбе адресата со Степни, предоставить ему ответ в пунктах, в которых выше сформулировал свои вопросы, касающиеся его будущего, прямо умоляя, чтобы его не оставили в неуверенности относительно предстоящей судьбы [Ibid.].

Ситуация Филипа Плантамура выяснилась лишь к началу июня 1703 г. В своем очередном письме к Хеджесу он благодарил последнего за помощь и доброжелательность в деле полагающихся секретарю

⁴ Джон Эллис (John Ellis), английский государственный деятель, заместитель государственного секретаря (с 1695), государственный контролер монетного двора (с 1701).

посла выплат и остающихся по-прежнему денежных обязательств. Он также сообщал, что новый посол Томас Уэнтворт лишь вчера прибыл в Берлин, но, судя по всему, не проявил какого-нибудь желания помогать ему. Бывший секретарь обещал еще вечером написать Хеджесу, лорду-казначею⁵ и лорду Ноттингему⁶, рассчитывая заинтересовать их своим положением. Впрочем, Плантамур закончил свои сетования тем, что даже без сторонней помощи он кое-как справится с ситуацией [BL. Add MS 28914. P. 100–100v], и даже не преминул похвалиться, что по случаю завершения своей службы при берлинском дворе получил подарок от короля Пруссии Фридриха I в виде 200 дукатов, отметив при этом, что часть суммы будет потрачена им для поездки в Англию [Там же]. В конце концов Филипп Плантамур не вернулся на Британские острова в 1703 г., а перешел на службу к Августу II⁷, на которой провел очередные три года. Его судьба а после 1706 г. мне, к сожалению, неизвестна, равно как и неизвестно, что происходило в дальнейшем с бывшим секретарем английского посла в Берлине [Sharp, p. 275].

Главный интерес француза на службе у Степни концентрировался на анализе политических событий, связанных не только с войной за испанское наследство, но также с Великой Северной войной, шедшей вблизи от его места пребывания. Порой он также описывал торжества, и не только касающиеся непосредственно берлинского двора, но и связанные с происходившими разнообразными событиями вокруг него, например, с торжественными въездами в резиденцию курфюрста Бранденбурга-Пруссии. Такого типа документом является «*L'ordre de l'entrée du margrave Philippe avec M^e son epouse le 23 février 1699*» [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v]. Очевидно, речь идет о въезде Филиппа-Вильгельма Бранденбург-Шведтского (единокровного брата курфюрста Фридриха III) и его жены Иоганны-Шарлотты, урожденной Ангальт-Дессауской, в Берлин, прибывших на неизвестные нам, к сожалению, придворные торжества, связанные с женой Фридриха III Софией-Шарлоттой Ганноверской [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Poten].

Плантамур, описывая этот эпизод, вначале перечислил кавалерийские полки курфюрста, состоявшие из трех эскадронов двуххотного состава⁸. За ними одна за другой двигалась 51 карета, каждая из которых была запряжена шестеркой коней; очевидно, что две первые принадлежали маркграфу Филиппу-Вильгельму. В следующих 23 путешествовали министры, камергеры и другие высокопоставленные придворные, три принадлежали маркграфу Христиану-Людвигу фон

⁵ Барон Сидни Годольфин (Sydney Godolphin), лорд-казначей в 1702–1710 гг.

⁶ Дэниел Финч (Daniel Finch), второй граф Ноттингем, государственный секретарь (1702–1704).

⁷ Август II Сильный, король польский и великий князь Литовский (1697–1704, 1709–1733), курфюрст саксонский Фридрих-Август I (1694–1733).

⁸ В бранденбург-прусской кавалерии второй половины XVII в. полки делились на эскадроны, состоявшие, в свою очередь, из рот. По штатному расписанию рейтарский (кирасирский) полк имел четыре эскадрона двуххотного состава, драгунский – пять эскадронов двуххотного состава.

Бранденбург-Шведтскому, четыре – маркграфу Альберту-Фридриху фон Бранденбург-Шведтскому, остальные 12 карет были собственностью курфюрста. Замыкали процессию пять карет вдовствующей княгини Генриетты-Катарины фон Нассау, тещи Филиппа-Вильгельма [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v].

Филипп Плантамур записал, что после кавалькады карет вели «les chevaux de main»⁹, по восемь – Христиана-Людвига и Альберта-Фридриха, 24 – курфюрста, и шесть – Филиппа-Вильгельма. Далее в кавалькаде следовали 26 придворных конюхов. Кавалькаду сопровождали 24 трубача и два барабанщика, также принадлежавших к свите курфюрста Бранденбург-Прусского. Если вспоминать о высокопоставленных придворных, камергерах и «gentilshommes de la chambre»¹⁰, то Филипп Плантамур насчитал их 50. Во главе процессии ехали верхом (впрочем, так же, как и все) «le grand maréchal Lottum» и Фридрих-Вильгельм фон Виттенхорст-Сонсфельд¹¹. Первым их этих двух придворных, как кажется, был Филипп-Карл фон Вилих унд Лоттум, который носил звание генерал-фельдмаршала (Generalfeldmarschall), хотя похоже, что Плантамур ошибся с определением его должности¹². Далее ехал верхом «le grande chambellan Mr de Colb»¹³ (наверное, также записан Плантамуром с ошибкой – Иоганн-Казимир Кольбе фон Вартенберг), а после него – маркграф Христиан-Людвиг (брат курфюрста Фридриха III), слева от которого находился князь Леопольд I Ангальт-Дессауский, брат его жены Генриетты-Амалии Ангальт-Дессауской. Далее, между курфюрстом и маркграфом Альбертом-Фридрихом, можно было увидеть маркграфа Филиппа-Вильгельма. После их проезда промаршировала построенная в две шеренги сотня швейцарцев под командованием не названного по имени «Mr de Rosey», а за ними сразу же проследовал «le écuyer Mr Baur», то есть конюший, к сожалению, вновь не названный по имени [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Далее ехала верхом личная гвардия, состоявшая из трех рот. Первой из них командовал генерал-майор Юлий-Эрнст фон Теттау, второй – не названный по имени полковник Гроот, во главе последней был названный также без имени подполковник Сибург. Затем, по замечанию Плантамура, в карете курфюрста ехала княгиня Генриетта-Амалия Ангальт-Дессауская, которую секретарь посла Степни определил как «soeur de l'epouse» («сестра жены»), не записывая, кто был супругом

⁹ Верховые (букв. – ручные) кони.

¹⁰ Комнатные дворяне, камер-юнкеры.

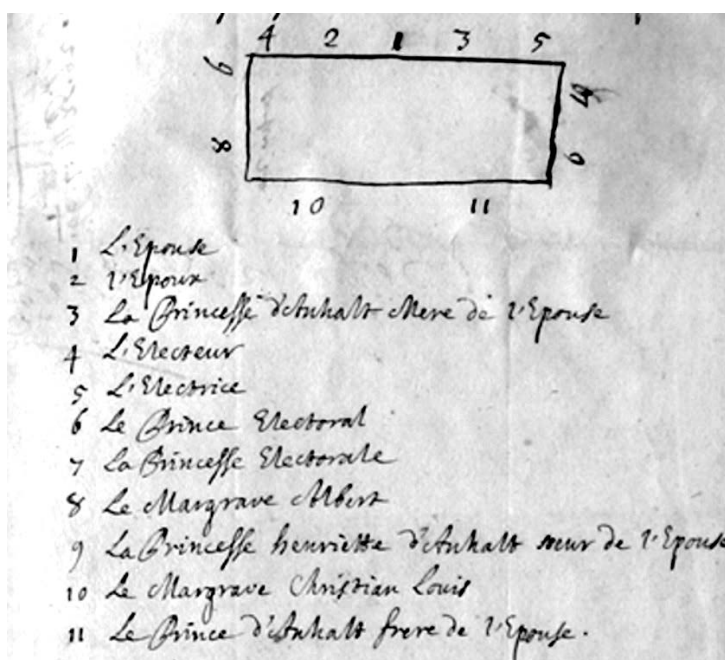
¹¹ В описываемое время – генерал-майор, командир драгунского полка своего имени.

¹² Карл-Филипп, а не Филипп-Карл фон Вилих унд Лоттум (Carl Philipp Reichsgraf von Wylich und Lottum), получил звание и должность генерал-фельдмаршала прусской армии лишь в 1713 г.

¹³ «Великий камергер месье де Колб». Иоганн Казимир Кольбе фон Вартенберг (Johann Kasimir Kolb(e) von Wartenberg), фаворит Фридриха III, граф Священной Римской империи с 1699 г., в описываемое время занимал должность обер-камергера бранденбургского курфюрста. Несколько лет спустя в его руках сосредоточится все финансовое управление Пруссии.

этой женщины¹⁴. Этим же транспортным средством путешествовала некая «*princesse Electoral*», вероятно, супруга Фридриха III. Три очередных кареты, каждая запряженная шестеркой коней, занимали дамы двора. За ними маршировали пешие полки курфюрста, которые растянулись от ворот города до самого дворца [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Кавалькада карет в соответствии с очередностью проезда останавливалась у лестниц дворца, где ждали уже дамы двора и «*de la ville*» и лично приветствовали прибывших гостей, вводя их в комнаты жены курфюрста Фридриха Софии-Шарлотты Ганноверской, которую чествовали на протяжении трех дней – «*à qui on fait les honneurs trois jours de suite*». Во время этих торжеств и церемоний не могло обойтись без пиршеств. У каждого из приглашенных гостей было точно определенное место у самого важного стола. Конечно же, Филипп Плантамур не замедлил записать это в своем рапорте, собственноручно набросав следующее расположение гостей.

Расположение гостей на торжественной церемонии прибытия курфюрста Филиппа-Вильгельма Бранденбург-Шведтского и его жены Иоганны-Шарлотты. Рисунок Филиппа Плантамура // NA London. SP Prussia. 90/1. P. 118

The arrangement of guests at the solemn ceremony of Philipp Wilhelm von Brandenburg-Schwedt and his wife Princess Johanna Charlotte's arrival. Drawing by Plantamour // NA London. SP Prussia. 90/1. P. 118

¹⁴ В описываемое время – вдова князя Генриха-Казимира II Нассау-Дицского (Hendrik Casimir II van Nassau-Dietz), штатгальтера Фрисландии, Гронингена и Дренте (ум. в 1696).

По случаю проведения такого типа торжеств должны были давать-ся многочисленные балы, которых ко дню написания отчета Плантамур насчитал 24. Сразу после упомянутого выше ужина, 23 февраля 1699 г., празднество украсила итальянская комедия (к сожалению, ее название секретарь Степни не указал). На следующий день состоялась показ фейерверков, а 25 февраля приглашенные гости удалились в Ораниенбург, где все торжества и закончились [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Следующий документ Филиппа Плантамура, посвященный придворному церемониалу, – рапорт, описывающий торжества по поводу второй годовщины коронации бранденбургского курфюрста прусским королем под именем Фридриха I. Событие началось 18 января 1703 г. произнесением двух проповедей и богослужением в дворцовой часовне. Благодарственные церковные службы состоялись также в других церквях Берлина. Затем Фридрих I вместе с королевой Софией-Шарлоттой в сопровождении княгинь и князей королевского дома – «de la Maison Royale» – участвовал в изобильной трапезе [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 333]¹⁵. Несмотря на столь торжественный момент, за обедом вспыхнул спор о рангах между курляндской вдовствующей княгиней Елизаветой-Софией и некой «madame la Margave» в связи с занимаемыми за столом местами, поэтому, по свидетельству Плантамура, обе долго не приступали к еде. Непосредственно перед пиршеством, как и во время его, было произведено несколько пушечных выстрелов. Француз на службе английского посла отметил также, что весь двор был этот день невообразимо красив: «extrêmement magnifique ce jour là». Вечером же весь Берлин засиял необычайной иллюминацией [NA London. SP Prussia. 90/1. K. 333–333v] (см. ил. на цв. вклейке).

19 января юбилейные торжества начались с церковной церемонии с участием «chevalier de l'Ordre» – кавалеров ордена. Речь здесь, очевидно, идет о торжествах, связанных с учрежденным 17 января 1701 г. орденом Черного Орла, который был сначала задуман как рыцарский. В часовне установили специальный трон, на который сел король как «chef de l'Ordre», сопровождаемый с обеих сторон кавалерами ордена, стоявшими у своих сидений. Все были одеты в церемониальные одежды, которые состояли из красной бархатной пелерины, подшитой голубой тафтой, со звездой на правом плече. В центре этой звезды располагался черный орел, окруженный латинскими словами «Sum cuique». Король же был в пелерине голубого цвета, подшитой

¹⁵ Копия этого рапорта находится в [BL. Add MS 22193. K. 100–101v] и она короче оригинала, который в целом занимает листы с 333 до 337. Копия адресована Томасу Уэнтворту, 3-му барону Рэби. Донесение об этих торжествах также см. в [Journal d'Amsterdam, vol. 1, p. 88–92] и в [Mercure historique et politique, p. 156–163], но описание это начинается лишь с 19 января. Оба печатных донесения об анализируемой церемонии немного отличаются от той, которую выслал Плантамур. Разница в том, что секретарь посла употреблял иногда другие слова, описывающие то, что происходило при берлинском дворе. Его донесение также более обширно, чем то, которое можно найти в названных бюллетенях.

красной тафтой, а на голове – в черной бархатной или кожаной шапке, украшенной белыми перьями. Его куртку украшала большая золотая цепь с черными орлами и буквами F и R, означавшими «Fridericus Rex». Дополнительно прусский монарх носил голубой крест, форма которого была близка мальтийскому, также с буквами F и R посередине, по бокам которого располагались черные орлы [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 333v–334].

На возвышении возле короля стояли не названный по имени обер-камергер (скорее всего Иоганн-Казимир Кольбе фон Вартенберг) и канцлер ордена. Согласно описанию Плантамур, рядом с ними находился ящик с печатями, а за ними стоял казначей ордена Штоский (Schtoscius), имени которого не названо. Министр Генрих-Рюдигер фон Ильген, не названный секретарь ордена, а также церемониймейстер Иоганн фон Бессерер находились в отдалении, в середине часовни, одетые в свои обычные наряды, на которые были наброшены красные бархатные пелерины с двойной тафтой оранжевого цвета [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334; Keenan, p. 70].

Напротив короля стояли два человека – князь Леопольд I Ангальт-Дессауский и «le grand maréchal» в роли военных герольдов, которые должны были надеть на монарха цепь и затем снять ее. Она была надета на Фридриха I лишь в тот момент, когда он подошел вместе со своей свитой к герольдам, разумеется, при соответствующем аккомпанементе барабанов и труб. «Mr Ursinus»¹⁶, которому Фридрих I недавно поручил функции епископа, произнес длинную молитву, прося Бога о благословении во время всей церемонии. Затем секретарь ордена зачитал его устав и принципы функционирования и в первый раз использовал название – орден Черного Орла, которое до этих пор официально не употреблялось. До этого момента, по словам Плантамур, учреждаемую организацию называли «le Grande Ordre» [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334–334v].

Плантамур отметил в своем донесении, что все подробности устава ему не удалось расслышать, а публично, в печатном виде, он еще не был доступен; это указывает на его личное присутствие при проведении торжества. Самым важным, по мнению француза, был тот факт, что кавалеров ордена должно было быть не более 30, за исключением князей правящего дома (Гогенцоллернов), а окончательное принятие решения в вопросе возведения в кавалерское достоинство оставалось за монархом. Секретарь Степни заметил также, что исходя из того, что он услышал, никто не должен сам искать этой чести; присвоение кавалерства зависело только и исключительно от воли короля. Лица, достойные такой награды, должны были отличаться особыми чертами, как-то справедливостью, честностью и заботой о вдовах и детях [Ibid. P. 334v–335].

¹⁶ Речь здесь идет, вероятно, о протестантском епископе Вениамине Урсинусе (von Bär) [Tschackert].

После окончания чтения устава ордена церемониймейстер Иоганн фон Бессерер оставил свое место и подошел ближе к королю. Затем приступили к церемонии посвящения нового рыцаря ордена, которым становился князь Леопольд I. Он был подведен к трону, возле которого уже находились «le prince royal» и маркграф Филипп-Вильгельм фон Бранденбург-Шведтский. Там кандидат должен был опуститься на колени перед канцлером ордена, который объявил ему намерение монарха принять его в орден и одарить орденским знаком. Князю надлежало поклясться на уставе, держа на нем два пальца и повторяя соответствующую формулу за министром Генрихом-Рюдигером фон Ильгеном. Казначей ордена затем передал орденский знак канцлеру, а тот – королю. Наконец Фридрих I украсил знаком ордена нового члена, посвящая его в рыцари ордена. Король, завершая торжество, поцеловал князя в левую щеку, а тот монарха – в руку. После этого акта Леопольд I встал и пошел на указанное ему церемониймейстером место среди других кавалеров ордена [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334v–335]¹⁷.

Подобным образом поступили и с «le grande marechal», которого к королю сопровождали два других рыцаря ордена. Наблюдавший эти события заметил, что у Фридриха I и «les Princes» перья на головных уборах располагались по-разному, что должно было отличать их от остальных присутствующих. У короля они находились на шапке впереди, а у остальных – по левой ее стороне, ближе к уху [Ibid. P. 335–335v].

Торжество закончил благодарственной молитвой епископ Вениамин Урсинус, благословив вновь принятых кавалеров. После этого акта все присутствующие вместе с королем один за другим бросили по несколько золотых монет в специальную чашу для подаваний. Затем все покинули часовню и удалились в апартаменты Фридриха I. Плантамур отметил также, что во время праздника не звучала музыка.

Вечером состоялся торжественный ужин. В зале, где это происходило, установили два стола: один – для короля и кавалеров ордена, а второй – посередине, за ним остальные гости располагались в соответствии со своим рангом. Фридрих I пил за здоровье присутствующих, а они в ответ – за короля под аккомпанемент барабанов, труб и пушечных выстрелов. Подытоживая донесение, Плантамур нашел обозреваемые торжества необычайно великолепными и изобильными [Ibid. P. 335v–336].

Наконец, проанализируем еще один рапорт Плантамура – описание придворного торжества 31 марта 1703 г., посвященного бракосочетанию княжны курляндской Елизаветы-Софии, дочери Фридриха-Казимира Кеттлера и маркграфини Маргариты Бранденбург-Байрейтской, с маркграфом Кристианом-Эрнстом Бранденбург-Байрейтским [BL. Add MS 22193. P. 112–113]. Эта цере-

¹⁷ В своем описании Плантамур опустил факт повторения слов присяги Леопольдом I, см.: [Journal d'Amsterdam, 1703, vol. 1, p. 91].

мония, о которой секретарь английского посла упомянул лишь поверхностно, произошла в присутствии всего двора и не названной по имени принцессы из дома Гогенцоллернов, которая только что вернулась с королевой Софией-Шарлоттой из Ганновера. Монархиня лично принимала участие в торжественном бракосочетании вместе с «la Princesse sa fille, mais elle fut obligée de se placer après la jeune Princesse de Curlande» («с принцессой, своей дочерью, которая была вынуждена встать вслед за юной принцессой Курляндской») [BL. Add MS 22193. P. 112–113]. К сожалению, в этом случае Плантамур, вероятно, допустил ошибку. В действительности у Софии-Шарлотты было два сына: один, Фредерик-Август, умер во младенчестве, а другой позже стал прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I, да и сама София-Шарлотта была единственной дочерью, следовательно, у нее не было родных сестер. А самая старшая дочь новобрачного Кристиана-Эбергардина¹⁸ в то время уже была (с 20 января 1693 г.) женой Августа I Веттина, следовательно, и ее следует исключить как возможное лицо, описанное секретарем посла Степни в качестве безымянной принцессы [Staszewski, p. 33]. К сожалению, я не в состоянии выяснить, кого на самом деле имел в виду Филипп Плантамур.

Француз на английской службе не описал самой церемонии бракосочетания, хотя записал, что в то время, когда епископ благословил молодую чету, раздались многочисленные пушечные выстрелы, что может свидетельствовать о его личном участии в этом событии. Вечером состоялся торжественный ужин, на котором маркграф Кристиан-Эрнст фон Бранденбург-Байрейтский вместе с женой Елизаветой-Софией сидели ближе всех к королевской паре. Похоже, это вызвало определенное недовольство остальных присутствовавших на торжествах членов семьи Гогенцоллернов, потому что уже 21 января состоялась жеребьевка, которая должна была решить спор о том, кто будет сидеть вблизи Фридриха I и Софии-Шарлотты. Видимо, такие действия были вызваны дискуссией, связанной с выяснением иерархического статуса Кристиана-Эрнста и сводных братьев прусского короля (Филиппа-Вильгельма, Альбрехта-Фридриха и Кристиана-Людвига), которая разрешалась в споре о местах у монаршего стола. Это было последнее упоминание Плантамура о торжестве; следующая часть депеши посвящена уже военным и политическим делам, касающимся продолжавшейся в Западной Европе войны за испанское наследство [BL. Add MS 22193. K. 112–112v].

Из представленного выше материала складывается интересная картина торжеств, описанных глазами секретаря английского посла Филиппа Плантамура. Эти картины не имеют формализованного характера или выработанной схемы донесения, их автор просто пересказывал то, что видел или то, о чем ему пришлось услышать от непосредственных участников событий, поэтому они более или менее

¹⁸ Дочь от второго брака маркграфа Кристиана-Эрнста.

точные. В его донесениях упоминаются исключительно берлинские церемонии. Иногда описанию события, свидетелем которого он был, посвящен целый рапорт, в котором подробно изображается то, что он мог наблюдать. Такие донесения изобилуют точными сведениями, касающимися убранства лиц, принимавших участие в торжествах. Секретарь Степни порой выражал также собственные эмоции, и тогда, подытоживая рапорт, касающийся такого события, употреблял слова «magnifique» или «extrêmement magnifique». Анализируемые донесения являются важным источником в исследованиях обычаев, церемониала и торжеств берлинского двора на рубеже XVII–XVIII вв., а подробные описания Филиппа Плантамюра демонстрируют нам пышность и значение этих мероприятий в контексте их пропагандистского и политико-общественного измерения.

Рассказ о придворных церемониях и торжествах не был, разумеется, делом исключительным и практиковался не только английским дипломатическим представительством в Берлине. Подобные донесения мы можем также встретить в рапортах других послов, примером чего могут быть отчеты Джорджа Степни из Вены, где он пребывал с января 1703 г., а также из Санкт-Петербурга и Российского государства авторства Чарльза Уитворта, который был назначен послом в Россию в 1704 г. Последний с необычайной тщательностью описывал в своих донесениях не только военные события происходившего в Центрально-Восточной Европе конфликта, но был также внимательным наблюдателем церемониальных торжеств русского двора, о которых упоминал в посылавшихся в Англию донесениях, чего, вероятно, и требовал Лондон. Самым важным заданием Уитворта были, однако, вопросы, связанные с функционированием Московской компании и урегулированием торговых отношений между обоими государствами¹⁹.

Список литературы

- BL. Add MS 22193, 28902, 28913, 28914.
Cook Ch., Stevenson J. British Historical Facts 1688–1760. L. : Palgrave Macmillan, 1988. 264 p.
Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01.
Journal d'Amsterdam, contenant divers mémoires touchant... Amsterdam : Chez Nicolas Chevalier Marchand Libraire, proche le Vieux Heeren Longement, 1703. Vol. 1. 385 p.
Journals of the House of Commons from November 16th 1699 in the Eleventh Year of the Reign of King William the Third to May 25th 1702 in the First Year of the Reign Queen Anne. Vol. 13. L. : Re-printed by Order of House of Commons, 1803. 970 p.
Keenan P. St Petersburg and the Russian Court. 1703–1761. L. : Palgrave Macmillan, 2013. 256 p.
Kugeler H. R. I. 'Le Parfait Ambassadeur'. The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia. Submitted for the degree of D. Phil at the University of Oxford. Oxford : [S. n.], 2006. 328 p.

¹⁹ Рапорты Чарльза Уитворта находятся в The National Archives in London и в The British Library. Составил он также интересное описание России 1710 г. [Whitworth].

Mercure historique et politique. Haga : Chez Henri van Bulderen, Marchand Libraire, dans le Pooten, à l'Enseigne de Mezeray, 1703. 658 p.

NA London SP Prussia 90/1 – The National Archives in London (Kew). State Papers Foreign SP Prussia 90/1.

Poten B. von. Philipp Wilhelm // Allgemeine Deutsche Biographie : [website]. Bd. 25. 1887. S. 761–762. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120182815.html> (accessed: 07.11.2019).

Sharp T. Pleasure and Ambition. The Life, Loves and Wars of Augustus the Strong 1670–1707. L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2001. 280 p.

Spens S. George Stepney 1663–1707. Diplomat and Poet. Cambridge : James Clarke, 1997. 414 p.

Staszewski J. August II Mocny. Wrocław : Ossolineum, 1998. 311 s.

Tschackert P. Ursinus Benjamin // Allgemeine Deutsche Biographie : [website]. Bd. 39. 1895. S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120374102.html> (accessed: 07.11.2019).

Whitworth Ch. An Account of Russia as it Was in the Year 1710. Strawberry-Hill : [S. n.], 1758. 161 p.

References

BL. Add MS 22193, 28902, 28913, 28914.

Cook, Ch., Stevenson, J. (1988). *British Historical Facts 1688–1760*. L., Palgrave Macmillan. 264 p.

Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01.

Journal d'Amsterdam, contenant divers mémoires touchant... (1703). Amsterdam, Chez Nicolas Chevalier Marchand Libraire, proche le Vieux Heeren Longement. Vol. 1. 385 p.

Journals of the House of Commons from November 16th 1699 in the Eleventh Year of the Reign of King William the Third to May 25th 1702 in the First Year of the Reign Queen Anne. (1803). Vol. 13. L., Re-printed by Order of House of Commons. 970 p.

Keenan, P. (2013). *St Petersburg and the Russian Court. 1703–1761*. L., Palgrave Macmillan. 256 p.

Kugeler, H. R. I. (2006). 'Le Parfait Ambassadeur'. *The Theory and Practice of Diplomacy in the Century Following the Peace of Westphalia*. Submitted for the degree of D. Phil at the University of Oxford. Oxford, S. n. 328 p.

Mercure historique et politique. (1703). Haga, Chez Henri van Bulderen, Marchand Libraire, dans le Pooten, à l'Enseigne de Mezeray. 658 p.

NA London SP Prussia 90/1 – The National Archives in London (Kew). State Papers Foreign SP Prussia 90/1.

Poten, B. von. (1887). Philipp Wilhelm. In *Allgemeine Deutsche Biographie* [website]. Bd. 25, S. 761–762. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120182815.html> (accessed: 07.11.2019).

Sharp, T. (2001). *Pleasure and Ambition. The Life, Loves and Wars of Augustus the Strong 1670–1707*. L., N. Y., I. B. Tauris. 280 p.

Spens, S. (1997). *George Stepney 1663–1707. Diplomat and Poet*. Cambridge, James Clarke. 414 p.

Staszewski, J. (1998). *August II Mocny*. Wrocław, Ossolineum. 311 p.

Tschackert, P. (1895). Ursinus Benjamin. In *Allgemeine Deutsche Biographie* [website]. Bd. 39, S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120374102.html> (accessed: 07.11.2019).

Whitworth, Ch. (1758). *An Account of Russia as it Was in the Year 1710*. Strawberry-Hill, S. n. 161 p.

The article was submitted on 20.01.2020